

Искра

Николай Болатаев

Николай Болатаев

Искра

<https://litres.ru/74266313>

SelfPub; 2026

Аннотация

Городок Серый Дол медленно теряет краски — не за один день, а так незаметно, что взрослые уже перестали это замечать. Двенадцатилетний Тима один из немногих, кто видит: цвет исчезает, потому что люди разучились быть добрыми друг к другу.

Однажды у старого колодца он делится последним бутербродом с бездомной собакой — и видит крошечную золотую искру там, где всё давно стало серым. С этого момента начинается его путь: он узнаёт о Сердце Мира, что гаснет под старым маяком, о хранителе-старике, который ждал героя полвека, и о том, что спасти целый мир иногда можно только ценой самого дорогого, что у тебя есть.

Тиме предстоит столкнуться с болезнью бабушки, школьной травлей, нищетой и собственным отчаянием — и понять, что доброта не делает мир справедливым. Она делает так, что ты остаёшься собой, даже когда мир несправедлив.

Тёплая, но не слащавая повесть о взрослении, дружбе и надежде — для читателей 11–16 лет и всех, кто верит, что маленькие поступки способны изменить всё.

Содержание

Оглавление	5
Глава 1. Город без цвета	6
Глава 2. Мальчик, который не давал сдачи	9
Глава 3. Хранитель маяка	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Николай Болатаев

Искра

ИСКРА

История о мальчике, который нёс в сердце надежду

Повесть

Оглавление

Глава 1. Город без цвета

Глава 2. Мальчик, который не давал сдачи

Глава 3. Хранитель маяка

Глава 4. Первая настоящая беда

Глава 5. Цена памяти

Глава 6. Сгущающийся Морок

Глава 7. Друзья находятся

Глава 8. Ночь отчаяния

Глава 9. Голос из письма

Глава 10. Спуск во тьму

Глава 11. Сердце Мира

Глава 12. Пламя

Глава 13. Рассвет

Глава 14. Эпилог. Свет, который остаётся

Глава 1. Город без цвета

Городок Серый Дол получил своё имя задолго до того, как в нём поселился Морок, но теперь имя это оказалось пророческим. Дома здесь были цвета золы, небо — цвета старой простыни, а река за околицей текла медленно и лениво, будто ей самой было всё равно, куда течь.

Тимофей — все звали его просто Тима — жил на улице Короткой, в доме номер семь, вместе с бабушкой Ниной Петровной. Ему было двенадцать лет, и он давно заметил то, чего не замечали взрослые: краски в Сером Доле выцветали. Не сразу, не за один день — а так медленно, что человек, который смотрел на мир каждый день, попросту не видел разницы. Но Тима помнил, каким ярко-рыжим был забор дяди Паши три года назад. Теперь забор был просто серым.

— Бабуль, а куда девается цвет? — спросил он как-то утром, разглядывая свою некогда синюю куртку, которая теперь была цвета дождевой лужи.

Нина Петровна помешивала кашу и не сразу ответила.

— Цвет никуда не девается, Тимоша. Он прячется. Ждёт, когда его позовут обратно.

— А кто должен позвать?

— Тот, у кого хватит на это духу, — сказала бабушка и улыбнулась одними глазами, потому что вслух улыбаться в Сером Доле давно разучились.

Тима не совсем понял, но запомнил эти слова так, как запоминают вещи, которые пригодятся позже, — не умом, а каким-то другим, более глубоким местом внутри.

По дороге в школу он, как обычно, прошёл мимо старого колодца на площади. Когда-то, говорят, вода в нём была такой чистой, что в ней можно было увидеть не только своё отражение, но и своё будущее. Теперь колодец был закрыт трухлявой крышкой, и никто уже не помнил, зачем он вообще был нужен.

Возле колодца, свернувшись в клубок, лежала собака — тощая, с рёбрами, проступавшими сквозь свалявшуюся шерсть. Люди проходили мимо, кто отворачиваясь, кто просто не замечая, будто собака была частью серого асфальта.

Тима остановился.

Он не был богат — в кармане куртки лежал один-единственный бутерброд с сыром, который бабушка собрала ему в школу, потому что больше в доме есть было нечего до пятницы. Он посмотрел на бутерброд. Посмотрел на собаку.

— Ну, — сказал он вслух, ни к кому особо не обращаясь, — один раз можно и потерпеть.

Он разломил бутерброд пополам и положил один кусок перед собакой. Та подняла голову, посмотрела на него недоверчиво, будто не понимая, в чём подвох, а потом осторожно, будто боясь, что еда исчезнет, взяла кусок и съела.

И в этот момент — так быстро, что Тима подумал, будто ему показалось, — на ошейнике собаки, потемневшем от

грязи, на долю секунды блеснула искра. Крошечная, размером с божью коровку, но настоящая — золотистая, тёплая, живая среди всей этой серости.

Тима моргнул. Искра исчезла.

«Показалось», — подумал он и пошёл в школу, унося с собой лёгкое, необъяснимое тепло где-то под рёбрами — там, где, наверное, и живёт то, что взрослые называют совестью, а дети — просто хорошим настроением без причины.

Он не знал ещё, что причина у этого тепла была. И что оно свяжет его с судьбой всего мира крепче, чем он мог себе представить.

Глава 2. Мальчик, который не давал сдачи

В школе Серого Дола преподавали чтение, письмо и арифметику, но никто никогда не преподавал доброту — считалось, что этому нельзя научить, как нельзя научить дождь идти вверх. И, может быть, поэтому школьный двор был местом, где серости было ещё больше, чем на улицах.

Верховодил там Гришка Рябов — второгодник с кулаками, как у взрослого мужика, и голосом, привыкшим командовать. Гришка не любил Тиму давно, с тех самых пор как тот в третьем классе отказался врать учительнице, прикрывая его прогул.

— Эй, Нищий! — крикнул Гришка через двор, и все, кто был рядом, послушно засмеялись, потому что смеяться над тем, над кем смеётся Гришка, было безопаснее, чем не смеяться. — Опять в обносках бабкиных пришёл?

Тима мог бы сказать что-то в ответ — он умел, слова у него всегда находились быстро. Но он посмотрел на куртку, доставшуюся ему от соседского Серёжи, вздохнул и просто пошёл дальше, к качелям, где обычно сидел один.

Гришка догнал его и толкнул в плечо — не сильно, скорее для проверки.

— Ты чего, глухой? Я с тобой разговариваю.

Тима остановился. Внутри у него — там же, где вчера появилось тепло от бутерброда — сейчас закипало что-то другое, горячее и обидное. Ему хотелось толкнуть в ответ, хотелось сказать что-то такое же злое. Кулаки сами сжались.

Но тут он увидел за спиной Гришки маленькую девочку лет семи, которая жалась к забору, обхватив себя руками. Он узнал её — Катя, младшая сестра Гришки. Она смотрела на брата так, как смотрят на грозу — со страхом, но и с ожиданием, что после грозы будет солнце.

Тима разжал кулаки.

— Не буду драться, — сказал он тихо. — Мне не жалко тебе проиграть в этом споре, Гришка. Только вот в чём беда — ты уже победил ещё до того, как начал. Такие, как ты, всегда выигрывают у таких, как я, если мерить силой. Только я не хочу играть в эту игру.

Гришка растерялся — не этого он ждал. Толпа вокруг притихла.

— Трус, — буркнул Гришка, но как-то без огня.

— Может быть, — согласился Тима. — А может, просто устал делать вид, что злость — это сила.

Он развернулся и пошёл к качелям. По дороге он остановился рядом с Катей.

— Твой брат орёт много, но, по-моему, ему просто скучно, — тихо сказал он ей. — Хочешь, покажу, как из фантика от конфеты сделать журавлика? У меня как раз завалился один.

Катя удивлённо кивнула. И пока Тима складывал бумажного журавлика неловкими, замёрзшими на ветру пальцами, а Катя следила за каждым движением, приоткрыв рот, — никто из них не заметил, что на заборе рядом с ними, там, где искра однажды уже спрятала краску, вдруг проступило едва заметное пятнышко зелёного цвета. Размером с ладонь. Как будто кто-то один раз мазнул кистью — и тут же убрал руку, не веря, что получилось.

Гришка это пятнышко всё-таки заметил. Он долго стоял и смотрел на него, а после — ничего никому не сказав — ушёл со двора необычно тихим.

Глава 3. Хранитель маяка

За городом, там, где река Серого Дола впадала в озеро, стоял старый маяк. Много лет он не светил — говорили, что свет ему больше не нужен, потому что корабли давно перестали сюда заходить, а озеро всё равно затянуло туманом настолько плотным, что маяк был виден, только если стоять у самого его основания.

Тима любил туда ходить. Не потому, что там было интересно — там, если честно, не происходило ничего. А потому, что там жил дед Кузьма, единственный человек в Сером Доле, который до сих пор улыбался вслух.

— О, явился, — сказал дед Кузьма, когда Тима толкнул скрипучую дверь маяка тем же вечером. Старик сидел у окошка и чинил рыбацкую сеть — хотя рыбы в озере давно уже почти не было. — Садись, у меня чай как раз поспел.

Чай у деда Кузьмы был странный — травяной, горьковатый, но после него на языке долго оставался вкус чего-то летнего, будто в чашку положили немного солнца.

— Дед Кузьма, а вы верите, что цвета можно вернуть? — спросил Тима, грея руки о кружку.

Старик отложил сеть.

— Я не просто верю, малец. Я знаю. Потому что я видел, как этот город выглядел до Морока. — Он посмотрел в окно, туда, где туман скрывал озеро. — Пятьдесят лет назад здесь

были самые яркие закаты во всей округе. Красный, оранжевый, лиловый — как будто небо каждый вечер устраивало праздник. И знаешь, что случилось?

Тима покачал головой.

— Люди устали. Устали помогать друг другу, устали замечать чужую беду, устали радоваться чужой радости. Усталость эта тихая, она подкрадывается не сразу — сперва человек просто проходит мимо чужого горя, потом мимо своего собственного счастья, а потом однажды утром просыпается и не помнит, зачем вообще вставать. Вот эта-то усталость и есть Морок. Он не приходит извне, Тима. Он рождается внутри — из каждого равнодушного взгляда, из каждого «это не моё дело».

— А искры? — спросил Тима осторожно. — Я вчера видел искру. На собачьем ошейнике. И сегодня — пятнышко зелёного цвета на заборе.

Дед Кузьма посмотрел на него внимательно, будто увидел что-то, чего не видел раньше.

— Значит, это правда ты, — сказал он тихо.

— Что — я?

— В этом городе есть Сердце, Тима. Не в груди человека — настоящее Сердце Мира, живое, спрятанное глубоко под этим самым маяком, в пещере, куда давно никто не спускался. Оно бьётся светом. Точнее — билось. Каждый акт доброты, каждый поступок, в котором человек забывал о себе ради другого, питал это Сердце и через него — весь мир, все

краски, всё тепло, что в нём есть. Но люди устали быть добрыми. И Сердце стало затихать. Год за годом. Так появился Морок — серая пустота, наступающая туда, где раньше была жизнь.

— И оно сейчас совсем гаснет?

Дед Кузьма кивнул, и впервые за весь разговор его лицо стало по-настоящему старым и усталым.

— Осталось немного, мальчик мой. Может, месяц, может — меньше. Когда оно погаснет совсем, серым станет не только Дол. Серым станет всё — весь мир, каждый его уголок, всякая живая душа. Люди перестанут не только видеть цвета. Они перестанут чувствовать хоть что-то — ни горе, ни радость, ни любовь. Просто будут ходить, есть, спать — и всё.

Тима вдруг почувствовал, как холод пробежал по спине.

— Но искры... они же появляются, когда кто-то делает что-то доброе. Значит, Сердце ещё можно спасти?

— Можно, — согласился старик. — Но по капле света Сердце не разгорится обратно так, как погасло — по капле равнодушия. Нужен один поступок. Настоящий. Такой, где человек отдаёт не крошку, а всё, что у него есть, — и не для того, чтобы спасти мир, а просто потому, что иначе поступить не может.

Он посмотрел на Тиму долгим взглядом.

— И почему-то мне кажется, что этот поступок предстоит совершить именно тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.